

И был этот день...

И был этот день... и земля, и звезда.
По рельсам осенним неслись поезда,
По лунным блистающим нитям,
По мгле, по судьбе, по событиям...

И кто-то стоял, разливая вино
По тёмным бокалам и глядя в окно,
Где олово дня остывало,
Темнея лилово и ало.

И, спички тревог зажигая во тьме,
В осенней кисельно текущей сурьме,
Блуждали пространство и время,
Как гости иных измерений.

А кто-то стоял у окна и курил,
Допив из бокалов остатки зари,
И слышал, как тихо шептались
Пространство и время-скиталец.

И слышал гудки неземных поездов,
И осень ему показалась звездой,
По небу летящей на север,
Где ветер бессмертье посеял.

Этот день похож на кролика...

Этот день похож на кролика—
Те же глупость и испуг.
Страх катается на роликах
В окружении подруг.

Боль и жалость—червоточины
В зыбком яблоке души.
А на ней клеймо: «Просрочена».
В мыслях ползают ужи.

Разливается чернильница.
Пятна—осень на холсте.
Мгла могильная пружинится.
И не где-то, а везде!..

То ли буквы, то ли нолики
На снегу—не разберёшь...
Этот день похож на кролика.
Потому—и страх, и дрожь!

Полночь

Я помню тебя, одинокая полночь!
И ты не забыла, ты многое помнишь...
Обрезав ножом темноты
Незримые нити с бывлым расставаний,
Пронзаешь бестелость времён, расстояний
И после, снежинкой застыв,

Холодным свеченьем приветствуешь вечность,
Плывущую тьмою над белою свечкой,
Горящей снегами зимы...
И кажется краткой дорога в бессмертье,
Но в это не верьте, не верьте, не верьте—
Обманет спокойствие тьмы!

Бессмертие—шарик на тоненькой нити,
Подвешенный чьей-то мечтою в зените,
Колеблемый небытием...
И все, одолев над собою высоты,
Попробуют мёда полночного соты
Пред тем, как пребудут ничем!

От полночи вдаль разбегутся столетья,
И полночь рассыплется на междометья,
Секундами тихо звеня.
Останутся в кипени прошлого света
На солнечных струнах игравшие дети,
Смотрящие в мир сквозь меня.

Час закатный. Фонари...

Час закатный. Фонари
Пьют настой сентябрьской ночи.
Что не делится на три—
Кажется, мешает очень.

Ты, подруга, не гляди,
Что в углу темно и пусто—
Так же, как в твоей груди,
Где живёт шестое чувство.

Потому что в час, когда
Фонари лакают темень,
Легче кажется беда
И стремительнее время.

Осенний яд

Кто сказал, что шипение осени—
Это навий дымящийся яд,
Принесённый уснувшими осами,
Что не могут вернуться назад
И вонзиться укусами в плотное
Тело ясного летнего дня,
Пробуждая дыханье болотное,
Колокольцами влаги звеня?..

Кто сказал?.. Но глухое молчание
Оглушило меня, отняло
Чувства, мысли, и даже отчаянье
Обратило в предельное зло.
Потому что так много молчащего
Ядом осени поздней шипит,
И оса моего настоящего
Жалит сердце, а вовсе не спит!

Оттенки

Ловец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом—пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли истёртой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В ещё глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

Сентябрьский день

Стекает утро вязким солнцем
С покатых крыш,
И день стоит над горизонтом,
Кудряв и рыж.

Осенней солнечной слезою
Позолочён,
Он ловит блик под бирюзою,
Хрустит лучом.

И пусть сентябрь горчит повсюду
Сырой строкой,
Но этот день подобен чуду,
Живой такой!

И что ему угрюмый невод
Земной тоски,
Когда задумчивое небо
Кормил с руки!

Время вырастает из земли...

Время вырастает из земли,
Кучерявясь летними цветами...
Сорняком, желтеющим меж нами,
Времени соцветья расцвели.

Смотрят одноглазые на нас
Корневища, в наше беспокойство,
Отвергая всё мироустройство,
Что мы видим в профиль и анфас.

Прошлокрылых буден мотыльки—
Абрисы известных нам событий—
В том, что было намертво забыто,
Растворятся, чувствам вопреки.

Сорняки времён заглушат всё,
Вырастая стеблями до неба,
Жизни обжигающую негу
Обращая в бесконечный сон.

Февральские вариации

Февраль. Играет небо в бадминтон,
Ракеткой мглы подбрасывая солнце...
Одетый в снежно-льдиное пальто,
Кивает лес в морозное оконце.

И стены у избы не изо льда—
Из воздуха, который крепче стали,
А окна—многоцветная слюда
Времён, смотрящих в палевые дали,—
Туда воланчик солнца упадёт,
Когда вдруг небеса играть устанут...

Потом придёт полночный лунный кот
И слижет с неба звёздную сметану.

Ночная миниатюра

Синей бабочкой лесною
В паутине темноты
Билась позднею весною,
Тронув крыльями цветы,

Полночь, звёздною пыльюю
Опыляя небеса,
Где—луны полукольцо и
Бездны тёмные глаза.

От биенья крыл полночных
Трепетала темнота.
Паутина хоть и прочно
Полночь сцапала, но та

Порвала её, на запад
Улетела. А клочок
Паутины трогал лапкой
Злой рассветный паучок.

Беспокойное утро

Задохнулся, пропал мой мир в бытии трёхосном.
Ускоряясь во много раз, уплывало время.
На окне рисовала тьма то ли знак вопроса,
То ли ставила знак «тире», как черту на кремне.

Утро, горечи лет испив, обжигалось болью,
И восток покраснел— подобно больной гортани.
Прострелил облака рассвет, разрядив обойму
Нетерпения темноты... От пустых скитаний

Побледнела луна в петле, облаками свитой,
На звезде— на гвозде она, приуныв, болталась.
...И брела, обретая тень, обрастая свитой
Потускневших картинок дня, королева Старость.

Закрутилась позёмка лет по лихой спирали.
Замелькали снежинки дней, дорогих, ушедших;
На судьбу сединой ложились и... умирали.
И врвался в окно октябрь— беспокойной векшей.

Полдень

Памяти мерцанье. Летних дней изгиб.
Солнечные вазы полнятся покоем.
Тянутся минуты, что годам близки,
Растворяя в полдне бренное, людское.

Полдень— суетливый, словно зыбкий уж.
Только не молчит он, а вовсю стрекочет.
Но бегут вприпрыжку через чащу, глушь
Времена босые по тропинке к ночи.

Перед холодами (Ante Frigora)

Перекликаясь поездами,
Как птицы, станции живут...

Не знаю, свет поёт меж нами,
Полнясь густеющими снами,
Иль сумрак плачет наяву...

Живёт в тоске осенней время,
В уста целуя пустоту.
И сквозь простор сквозных прозрений,
Считая стук тоскобиений,
В себя из памяти бреду.

Лесов осенних злое жало
В меня вонзают холода,
И время столь лилово, ало,
Что кажется— оно устало.
Замедлились часы, года.

Но ледяной, декабреносный
Свет набирает высоту
И снова поджигает сосны;
Ступает север гулко, грозно,
Считая за верстой версту!

Полночная вода

Вода этой полночи слишком чиста,
Чтоб в землю пролиться.
На вытканых звёздами синих холстах—
Весёлые лица.

А полночь другая— темна и грустна,
И чёрной водою
Омоет просторы, где в утренних снах
Заблещешь звездою.

...Пока чернота из одной черноты
В другую струится,
Ты полночи первой попробуй воды,
Успей насладиться.

Сказка

Холодное небо коснулось Земли
Сырым снегопадом,
А в полночь созвездия тихо зажгли
Цветные лампы.

По снежной пустыне плыла тишина,
Как воздух, густая,
Смотрела задумчиво с неба луна,
Совсем молодая,

На лес и упавшую ночью звезду,
На снежные скалы.
Но долго звезду на подтаявшем льду
Созвездья искали.

В ночи замелькают и дни, и года—
Метелью, порошей;
Исчезнет под ними навеки звезда
И прошлое тоже...

Осенний фрегат

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоёмов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названием «Осень»,
Плывущего в простор веков.

А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времён,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он,

Пройдя все зимы и все вёсны,
Вернётся в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны—
Спалит прощальная заря...

Карусели осени

Цветной лишайник. Скал скупой оскал.
Сосны болотной щупальца кривые.
Тропинка та, которую искал
Среди трясин. Елани вековые.

Брусника. Клюква. Вороника. Мох.
И—ничего, что может быть иначе.
Озёрный край. Тайги неспешный вздох.
Таёжный мир—и чуткий он, и зрячий!

И—никого! Леса. Холмы. Леса.
Рябиновая осени улыбка.
Озёр суровых серые глаза.
Кругом—пестро, нестрожно, зябко, зыбко.

И крутит блики солнечных лучей—
Раскачивает осень карусели
По пёстрому простору ярких дней,
Качает блики звёзд в ночной купели...

Но человек, незримый человек
Откуда-то всю жизнь идёт куда-то.
На юг: в простор степей, полей и рек...

Багровой лихорадкою заката
Прошита тьма, тревоги гулкой тьма.
Дойдёт ли человек до южной цели?
Тайга грустна, тайга почти нема.
Раскачивает осень карусели.

Собрав озёр окрестных звоны

Собрав озёр окрестных звоны
В темнеющую чистоту,
Слепой покой взошёл на склоны
Туманных скал. Ночная ртуть,
Мерцающая мелкими огнями,
Как пробуждение меж снами,
Катилась в клюквенную тьму...

Сентябрь. Ночей осенних бритвы
Кромсали смысл всего. Всему
Ломали схемы, алгоритмы...
Но кто-то шёл на тихий звон
Под тихий свист иных времён.

Плутая в онемень леса,
В сетях бесчисленных колец,
Не замечая жизни веса,
Не чуя стука злых сердец,
Он останавливался где-то
И слышал смех былого лета,

И сквозь себя он шёл к нему,
Просторы осени разрушив,
Презрев «зачем?» и «почему?»,
Сплетая жизнь из сотни кружев
Воскресшей юности. Покой
Мерцал озёрной чистотой.